

Виктор Кротов

СТИХИЯ ВЕСНЫ

Начальное

Виктор Гаврилович Кротов

Стихия весны. Начальное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21576492

ISBN 9785448329173

Аннотация

Здесь собраны стихи конца 1963 – начала 1972 годов, то есть начального периода творчества. Можно сказать, что он закончился в июне 1972 года, но заложил навыки взаимоотношений переживаний автора с его поэтическим творчеством.

Содержание

Весна началась в шестнадцать	6
Что-то когда-то	7
Где же, привычное, твой уют?	7
Поздно	8
Мало спрошено – мало сказано	9
Пятеро	10
Сугробы белыми гробами	12
Достигнуть зрелости легко	14
Ну как же ногами не верить мне в землю	15
Дыхание тайги	16
Стихи на перекидном календаре	17
Капля за каплей стучатся в окно	18
Казалось, падают серебряные листья	19
Был день, откатился	20
Старый художник	21
Бако сказал мне про один кишлак	23
Мир меня оскорбил	24
К экзамену по ***	25
Увявшие листья	27
Если ночь – предыстория дня	28
Звёзды – крупинки соли	29
Деревья, как люди	30
Подури, дури, головушка	32

Катится колесо	34
За окном пролетела чёрная птица	35
Заклинание	36
И снова, и снова нам нужно чего-то	37
Видеть!	39
Настоящая лирика	39
Гитара без струн	40
Город грязен, конечно	41
Большой роман прочёл я за сегодня	42
Ты простишь человеку привычки, пороки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Стихия весны

Начальное

Виктор Гаврилович Кротов

© Виктор Гаврилович Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-2917-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке картина Валерия Кантерева: «Композиция на жёлтом фоне».

Весна началась в шестнадцать

Ещё подростком я при случае лихо занимался рифмоплётством: на поздравительных открытках, на листочках небольшой домашней газеты, выходявшей по какому-либо случаю. Но только в шестнадцать лет у меня вдруг сочинился стишок, который вроде бы ничем не отличался от прежней игры в рифмы, но совершенно точно был для меня чем-то другим. В строчках поселилось *переживание*.

Новые переживания вспыхивали часто. Но с возможностью сохранять их с помощью стихотворчества я столкнулся тогда впервые.

Сейчас, больше полувека спустя, я снова убеждаюсь в этом таинственном свойстве стихов – когда перечитываю написанное и ощущаю те давние, давно прошедшие волны эмоций, которые через день-другой должны были бы исчезнуть бесследно. Каким чудом они доносят до меня живое дыхание того начального, юношески-весеннего времени?..

Автор

Что-то когда-то

Где же, привычное, твой уют?

Где же, привычное, твой уют?

Мысли застыли и чувства остыли...

Вот и часы уже отстают —
часы, которые всегда спешили.

1963

Поздно

Дневная каша подгорела
на огне заката
и теперь за окном
словно лопатой навалена сажа
и только снег
остаётся белым
да на крыше метро пылает
красненький гном

1964

Мало спрошено – мало сказано

Мало спрошено – мало сказано
недопонято
не доказано

Неуверенность шёлком брошена
в том, что в сердце есть
что-то большее

Что-то большее
что-то лучшее
настроения или случая

1964

Пятеро

Нас пять высоких и больших,
принять готовых бой,
прожжённых солнцем дочерна,
просоленных водой.

Богаты мы – наш трюм набит,
и сундуки полны,
но не боимся мы обид
завистливой волны.

И не страшимся мы судов,
маячащих вдали.
Мы ждём, пока наш капитан
со смехом гаркнет: «Пли!».

Там наши давние враги
глядят на нас зверьём.
А нам плевать – мы в бой идём,
как будто пить идём!

...Прорвались мы, окончен бой —
и тут же позабыт.
На берег трап спускаем свой,

а трап надёжно сбит.

От топота упругих ног
булыжники дрожат.
Трактирщик вышел на порог,
заслышав звон денегат.

И капитан наш – кулаком
из бочки вышиб дно:
«Беги, хозяин, с черпаком
да разливай вино!».

От наших грубых голосов
трещит питейный дом.
А нам плевать – мы пить идём,
как будто в бой идём!

1965

Сугробы белыми гробами

Сугробы белыми гробами
нам загораживают путь.

Нам – вечно в спешке – надо прямо,
а через – не перешагнуть.

В сугробах тёмные колодцы —
следы отчаянных людей,
следы весёлых сумасбродцев,
не выбирающих путей.

Мы – чаще словом, реже делом —
Всё больше споря с каждым днём,
и тут – хотя такая мелочь —
себя по-разному ведём.

Одни, ругая снег и ветер,
ругая холод, неуют,
ворчат – мол, дворники в ответе —
и траурно в обход бредут.

Другие, шаг за шагом, нежно
поддерживая складки брюк,
идут следами тех, кто прежде

не захотел плестись вокруг.

А кое-кто, забыв солидность,
своим мальчишеством шутя,
шагает прямо! Сразу видно —
сугробы дядю не смутят.

..В сугробах новые колодцы —
следы отчаянных людей,
следы весёлых сумасбродцев,
не выбирающих путей...

1965

Достигнуть зрелости легко

Достигнуть зрелости легко:
живи и жди, когда наступит
необратимый переход —
от детских слёз
к ворчанью в ступе,
от смеха смелого
к тому,
чтоб улыбаться умудрённо,
к тому, чтоб не мешали сну
полунесбыточные дрёмы.
Нет больше буйства —
есть покой:
мол, выше головы не прыгнуть...

Достигнуть зрелости легко.
Другого хочется достигнуть...

1966

Ну как же ногами не верить мне в землю

Ну как же ногами не верить мне в землю?
Без веры в неё не пройти мне и шагу.

Ну как же руками не верить мне в дело?
Без веры такой опускаются руки.

Ну как же мне сердцем не верить в любовь?
Без веры такой замыкается сердце.

Ну как же не верить, что светит нам свет?..

1966

Дыхание тайги

Бешено брошенный ворох иголок,
вихрь, разъедающий красные руки,
горестный вздох разорвавшихся лёгких!..

Не защищаю лицо от уколов,
не хоронюсь от ударов упругих,
не убегу от пощёчин широких...

1966

Стихи на перекидном календаре

Всё равно ведь, на чём писать —
на газетных ли срывах,
на породистой белой бумаге...

Всё равно ведь,
на чём оставлять карандашные шрамы —
на копеечных тонких тетрадках,
на роскошных альбомных листах...

Всё равно ведь,
что у меня под рукой —
записная ли книжка
или
дни моей юности...

1966

Капля за каплей стучатся в окно

Капля за каплей
стучатся в окно,
и до того мне грустно,
что кажется, будто это
одна горемычная капля
устало и безнадежно
стучит кулачком прозрачным —
просит, чтобы впустили.

1966

Казалось, падают серебряные листья

Казалось, падают серебряные листья,
а стоит присмотреться – хлопья снега.

Казалось, снег усеивает землю,
а присмотреться – тополиный пух.

Казалось, на ветвях набухли почки,
а на поверку – спелые орехи.

Казалось, листья только распустились,
а глядь – на самом деле опадают.

Но почему-то отливают серебром.

А присмотреться – это хлопья снега...

1966

Был день, откатился

Был день,
откатился
на колёсах луны и солнца.
И я удивился,
собрав все минут горстью.
В основном, это крошки глины,
немного дерева,
а металла
так мало...

1966

Старый художник

На асфальте рожицы,
на асфальте чертики.
Здравствуйте, художницы.
Здравствуйте, художники.

Не смотрите, что я сед,
пусть никто не сердится,
что играть мешает дед, —
дайте присуседиться.

От кирпичных уголков
тротуар не ярк.
Я с собой цветных мелков
притащил в подарок.

Рисовать, когда все есть, —
дело ведь простое.
Мне на корточки присесть
ничего не стоит...

Веселее, веселее!..
Вот сейчас мы нарисуем
голубого Бармалея

и дракона в алой сбруе.

Бармалей пойдет работать,
на драконе можно ездить...
Мы их не боимся, что ты,
мы уже большие дети.

С жизнью мы уже знакомы —
настоящие злодеи
не похожи на драконов
и на страшных бармалеев...

1966

Бако сказал мне про один кишлак

Бако сказал мне про один кишлак:

«Там люди тёмные, неразвитые люди —
они работать много не хотят
и даже стариков не уважают».

1966

Мир меня оскорбил

Мир меня оскорбил,
я с людьми не поладил...

А! – не беда, неважно,
пусть они обо мне вздыхают.

Я сплуну, присвистну лихо
и повернусь спиною
к этому вздорному миру,
к мелочным бедным людям,
щедрым лишь на упрёки.

Пусть! Не в признание счастье
и не в почтение счастье.
Счастье моё невесомо,
никто его не отнимет.

1966

К экзамену по ***

Упаковывайте ваши головы,
плотно, как чемоданы
в далёкую командировку
(кто знает, что может понадобиться).

Вечером,
который для всех остальных
давно уже стал ночью,
плотней набивайте головы
(рано утром уходит
ваш торопливый поезд).

Если всё, что хотите впихнуть, не влезает,
разбудите кого-нибудь
и попросите его, очумелого,
помочь захлопнуть упрямую крышку.

Наконец-то готово!

Надо ещё отоспаться
перед трудной дорогой.

Ложитесь,

защёлкивайте створки век
на блестящих замочках глаз.

До утра...

А утром...

Почему так пусто?
Я же всё вчера уложил.

Эх, мой поезд...

1966

Увядшие листья

Увядшие листья,
лету конец...

Шелестящие письма,
лепестки сердец...

1966

Если ночь – предыстория дня

Если ночь – предыстория дня,
тогда у меня
нет охоты спать ночью.

Я с тобою, старательная луна,
с вами, звёздные многоточия,
ради дня.

1966

Звёзды – крупинки соли

Звёзды – крупинки соли
на чёрном ломте полуночного неба.
Город – рот приоткрытый,
уставший жевать и застывший у края ломтя.
Здания – зубы,
вонзённые в тёмную
чуть сладковатую мякоть.

Всё неподвижно.

Но вот шевельнулось.

И на востоке стал виден
краешек алой десны.

1966

Деревья, как люди

Деревья, как люди:
весной кучерявы,
гордятся листвою
салатного цвета,
бедны и задорны
(весельем богаты).
А летом темнеют,
густеют причёски —
приходит солидность
и с нею достаток
(ну, ягоды, фрукты,
орехи, серёжки).
Чем к осени ближе,
тем больше и лучше.
Но только вот осень...
Всё реже и реже
становится зелень,
лысеют деревья...
Стареют деревья
и золото листьев
пускают на ветер.
А утром морозным
навязчивый иней

к ветвям уже липнет,
снега предвещая.
Лишь сосны да ели
зимы не боятся.
Не тронуты старостью —
лишь повзрослели.
Всё так же колючи,
всё так же задорны.
Ничуть не беднее,
ничуть не богаче
(ведь много не купишь
на медные шишки)...

Деревья – как люди...

1966

Подури, дури, головушка

Подури, дури, головушка
пока плечи не широкие
пока ноги не усталые
пока руки не рабочие

Поучись, учись, головушка
не печалься ты уроками
не склоняйся под ударами
не грусти без ранних почестей

Покружись, кружись, головушка
наслаждаясь разноцветием
опьяняясь поцелуями
не заботясь о солидности

Помудри, мудри, головушка
не считаясь с многолетием
с изречениями умными
с азбукой житейской хитрости

Погордись, гордись, головушка
тем, что помыслы высокие
тем, что подвиги немалые

на своём свершишь ты поприще

Пошуми, шуми, головушка
пока плечи не широкие
пока ноги не усталые
пока руки не рабочие

1967

Катится колесо

Катится колесо.
Просто так, без всего.

Круглое, удивлённое,
миром восхищённое...

1967

За окном пролетела чёрная птица

За окном пролетела чёрная птица
не оставляя следа
на молочной бумаге тумана

Может она и пыталась
почерком крыльев
заставить туман говорить
может она и хотела
в бездушную вязкую плоть
вонзить упругое слово
но туман перед ней расступался
и сливался за ней
молчалив как и прежде

За окном пролетела чёрная птица
не оставляя следа
унося безнадёжно с собою
что-то
о чём мне уже никогда не узнать

1967

Заклинание

И всё – налёт
и всё – налёт
и всё пройдёт
и всё пройдёт
и станет всё
смешным-смешно
когда пройдёт

Но не прошло
пока ещё

1967

И снова, и снова нам нужно чего-то

*Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!..»*

Багрицкий

И снова, и снова
нам нужно чего-то —
не жеста, не слова,
а трудной работы.

Чтоб степи ломались
от рук и металла,
цементная завязь
чтоб стены рождала.

Чтоб рвать рукавицы
об острые камни,
что стружки, как птицы,
от брёвен взлетали.

Пласты клейкой глины
ворочать лопатой!..
Мальчишечья сила

не требует платы.

1969

Видеть!

Настоящая лирика

Настоящая лирика —
дикий тигель алхимика,
где ступени познания —
вещества без названия...

1967

Гитара без струн

Скажи, видал ли ты когда-нибудь
орла без крыльев?
неподвижный ветер?..

Растерянно держу в руках гитару,
лишённую своих поющих струн
и слушаю несуществующие звуки:

Я гитара, я тоже гитара,
я тоже янтарная чаша
слёз и улыбок мира,
я тоже прощаю вам, люди,
гордыню грешную вашу,
я с вами, а не над вами —
гитара я, а не лира...

Скажи, ты ощущал когда-нибудь
бессилие молчанья?
немоту?
и невозможность быть самим собой?..

Тогда, наверное, ты тоже понимаешь...

Город грязен, конечно

Город грязен, конечно,
но снег даже в городе чист.

Постепенно покроются серым налётом сугробы,
но глядишь – и наутро опять
снег белеет,
готовый поэтам служить для сравнений.

Вновь и вновь – белизна.

Но потом наступает весна,
обнажая всю суть
и повсюду, где было бело столько раз,
оставляя холмы накопившейся за зиму грязи.

1967

Большой роман прочёл я за сегодня

Большой роман прочёл я за сегодня
и прожил жизнь чужую,
потеряв
всего лишь день
своей обычной жизни.

Но, кажется,
я прогадал на этом.

1967

Ты простишь человеку привычки, пороки

Ты простишь человеку привычки, пороки,
ты простишь ему самую злую обиду...

И прости даже то,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.